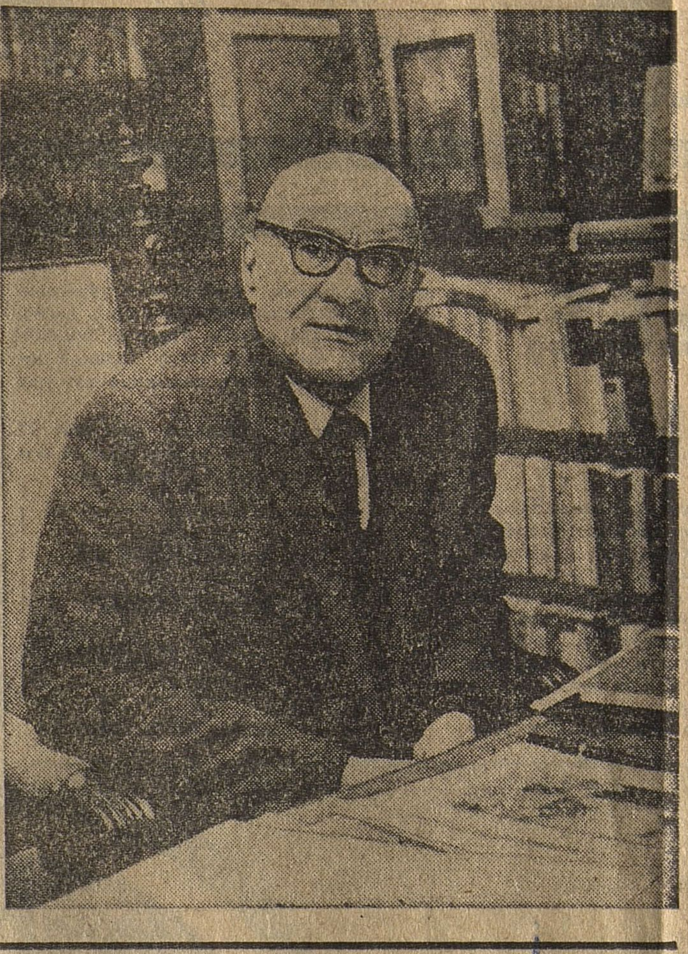
ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Георгий МАРКОВ

ДОСТОИНСТВО МАСТЕРА

Воспоминания о Ярославе Ивашкевиче



1.

Цель моей поездки в Варшаву была практической — предстояло провести с руководством Союза писателей Польши переговоры и подписать новое соглашение о контактах между писательскими организациями СССР и ПНР. Шел май 1960 года.

До этой поездки в Польше я никогда не бывал, хотя испытывал к этой стране, к ее литературе давний и горячий интерес.

Едва замелькали строения пригородных поселков Варшавы, я, что называется, «прилип» к окну вагона. Перед моим взором простиралась многострадальная и героическая польская земля, надвигались кварталы города, вписавшего в историю борьбы с гитлеровским нашествием нетленные страницы.

Поезд из Москвы в ту пору производил высадку пассажиров на станции «Варшава-главная», находившейся в самом центре города. Чтобы оказаться на месте назначения, поезд почему-то не просто пересекал город, а делал вокруг него огромный полукруг, как бы специально раскрывая свои проспекты и площади перед любознательным путешественником.

В тот год исполнилось уже пятнадцать лет после разгрома фашизма, но Варшава, почти до основания разрушенная гитлеровскими вандалами, все еще лежала в развалинах. Новые здания и даже новые кварталы, возведенные и там, и тут, стояли, окруженные оскалившимися ребрами закопченных пожарами жилищ, провисшими заводскими корпусами и учреждениями, Переулки и второстепенные улицы были в завалах щебня и ржавого металлического лома. Самоотверженным трудом, продолжавшимся и день, и ночь непрерывно, поляки возвращали своей столице былую красоту.

Когда поезд остановился, я увидел на перроне нескольких польских писателей, знакомых мне по встречам в Москве и в Сибири, и среди них Ивашкевича, самого Ярослава Ивашкевича. С ним я не был знаком, хотя знал его как писателя неплохо, поскольку читал и его поэзию, и прозу в русских переводах без каких-либо пропусков, всматривался в его портреты, в его полное, открытое лицо — лицо крестьянина или мастерового.

То, что сам Ярослав Ивашкевич пришел встретить меня, не столько польстило мне, сколько встревожило. «Ну что они делают?! Зачем им надо было беспокоить его?! Эка невидаль, приехал писатель из Москвы!» — про себя упрекнул я польских товарищей.

Ярослав Ивашкевич торопливо подошел ко мне, едва я спустился со ступенек вагона, и заговорил на чистом русском языке, чуть смягченном протяжными, даже ласковыми интонациями:

— Здравствуйте, голубчик Георгий Мокки-евич, здравст-

Неужели без вас не могли бы меня встретить?! — В данную минуту я был благодарен собственной памяти за то, что она зафиксировала когда-то навсегда имя Болеслава Ивашкевича.

— Нет, нет, я с удовольствием приехал встретить вас, Георгий Мокки-евич. — Ивашкевич тут обернулся к своим коллегам, с которыми он приехал на вокзал, и с доброй усмешкой сказал им: — И смотрите, сразу видно русского, он помнит мое отчество!

— А вы-то! Что вам за нужда помнить, как звали моего отца?

— Э, у вас же редчайшее отчество. Моккий — преобразованное русскими в Мокей — римское имя, означающее в переводе насмешник. А Георгий — греческое имя. Земледелец.

Впоследствии Ивашкевич много раз поражал меня самыми неожиданными знаниями из самых неожиданных областей русской культуры и российского быта. Но тогда, на вокзале, этот почти шуточный разговор как-то мгновенно и на долгие годы утвердил между нами отношения искренности и простоты.

Пока я размещался в гостинице «Бристоль», Ивашкевич с коллегами ждали меня в ресторане — на товарищеский ужин.

И снова я не почувствовал в нем никакого налета великости и позы. Даже свое приветственное слово в честь приезда представителя советской литературы Ивашкевич сказал по-своему:

— Многие товарищи из Москвы уже побывали у нас. Но вы-то не просто из Москвы, а еще и из Сибири. Ваш роман «Над Юксой» (так был назван мой роман «Строговы», изданный в те годы на польском языке в Варшаве) меняет наши представления о Сибири. Мы постараемся отплатить вам тем же. Польша и поляки меняют в наши дни облик самих себя и своей родины. Посмотрите!

Ивашкевич оказался хозяином своего слова. «Посмотрите!» — это для него многое значило.

На следующий день утром он заехал за мной в гостиницу, и мы на целый день отправились смотреть Варшаву, город, который поднимался из руин как доказательство непобедимости духа польского народа, его таланта и устремленности в свое новое будущее. Много раз за этот день я жалел, что не было с нами фотографа. Он ...лел Ивашкевича и ... в гневе, и в гордо- ...а, пережившая в не- ...лом трагедию вра- ...стошения, челове- ...ческую войну, от

одних воспоминаний в которой стыла кровь в жилах, давала повод для этого. Вот здесь фашисты расстреливали безвинных людей, там они давили их танками, тут они морили их голодом. Истребляли всеми способами, чтоб навсегда вытравить из поляков чувство родины, любовь к ней. А вон там, за Вислой, послышались раскаты очистительной бури. И фашисты не устояли. Приближалось долгожданное освобождение. Шла Красная Армия, вместе с ней части Войска Польского, сложившиеся в братской стране...

Я понимал, какой дорогой ценой дался Ивашкевичу этот объезд Варшавы. К вечеру он устал, даже как-то осунулся.

С большим трудом я уговорил его не ездить в Краков, куда мне через ночь предстояло поехать все с той же целью — «Посмотрите!».

Спустя три дня мы встретились с Ивашкевичем в особняке Союза писателей Польши. В торжественные минуты жизни он умел быть праздничным, я бы сказал, каким-то светлым. В присутствии большого числа польских писателей, представителей польской прессы мы подписали с Ивашкевичем соглашение о сотрудничестве союзов писателей наших стран и обменялись речами. Ивашкевич не был трибуном в обычном парламентском представлении. Он говорил спокойно, без излишней жестикуляции и игры голосом. Главное в его речах, а мне довелось их слушать неоднократно и в разное время, состояло в мысли, в содержании.

Может быть, никто другой из присутствующих на этой скромной, но тем не менее торжественной церемонии не понимал тогда глубокого значения связей польской культуры с советской культурой, литературы Польши с литературой России, как Ивашкевич. Он и сказал именно об этом:

— Дружба Пушкина с Мицкевичем — не случайная встреча добрых знакомых. Это выражение внутренних потребностей двух свободолюбивых литератур, их взаимного тяготения. На протяжении целых исторических периодов наши народы натравливались друг на друга. Литературы несли от этого зияющие потери. Злоба не может воодушевлять талант — от нее талант оскудевает. Источник подлинного искусства — содружество и братство. Мы стоим на пороге замечательного этапа в движении наших литератур.

Ярослав Ивашкевич убежденно верил в плодотворные возможности дружбы наших литератур и вложил в это благородное дело огромные усилия.

2.

Дважды мне пришлось участвовать в съездах писателей Польши.

Первый раз в Люблине. В 1964 году мы приехали туда вдвоем с Константином Симоновым. Привезли с собой приветственное послание от Союза писателей СССР и подарок Союзу писателей Польши — фотопортрет В. Маяковского, сделанный по известному снимку Родченко. Дни, проведенные в Люблине, а затем и в Варшаве, были до предела насыщены встречами с польскими друзьями, посещениями издательств, беседами с вездесущими корреспондентами польских газет. Уставшие, но довольные своим пребыванием в Польше, мы отсыпались в уютном купе почти до самой Москвы.

Второй раз я был на съезде писателей Польши в Лодзи в феврале 1972 года. Вместе со мной были Максим Танк и Виктор Борисов.

Съезд этот оказался сложным. Антисоциалистические элементы, науськанные из-за рубежа буржуазными идеологическими центрами, задались целью помешать съезду, сбить его с правильных позиций, захватить руководство Союзом писателей в свои руки.

И тут-то мы еще раз почувствовали объединительную роль Ярослава Ивашкевича, его влияние на большинство польских писателей, его творческий и общественный авторитет.

Сразу после открытия съезда была сделана попытка изменить повестку дня. Среди других вопросов, внесенных на рассмотрение съезда по инициативе главного правления союза во главе с Ивашкевичем, значился вопрос о некоторых уточнениях в уставе Союза польских писателей. Дезорганизаторы предложили обсудить этот вопрос первым, хотя по вполне понятным соображениям съезду прежде всего нужно было заслушать отчетный доклад правления, с которым должен был выступить председатель союза Ивашкевич.

Коварство затеянной дискуссии по повестке дня состояло вот в чем: дезорганизаторы намеревались протащить одно принципиальное исправление в устав. Они предлагали считать членом Союза польских писателей любого литератора независимо от его места проживания и его деятельности, лишь бы этот литератор писал на польском языке. Таким образом членами Союза польских писателей могли автоматически стать десятки литераторов, проживающих за рубежом, и в том числе отъявленные враги народной Польши, разного рода перебежчики, оказавшиеся на службе у империалистических диверсионных центров.

Прими съезд такое исправление в устав, тотчас же последовало бы другое предложение: поскольку союз сразу становился количественно и качественно иным, съезд можно было объявить неправомочным, отложить его и организовать с участием большего числа новых членов. Это вело к отказу от прежних организационных принципов союза, полностью дезорганизовывало его практическую работу и общественно-патриотическую направленность.

Ивашкевич все это отлично понимал. Понимали это и многие другие товарищи, но не все были готовы вступить в открытую борьбу с трибуны съезда.

Весь удар в этой острой дискуссии Ивашкевич принял на себя. Трижды он выступал с короткими и точными по смыслу репликами, горячо убеждал делегатов, что единственный путь у Союза польских писателей — это путь с народом, с трудящимися, путь социалистического строительства в Польше. Сила убеждения Ивашкевича сделала свое дело — абсолютным большинством голосов съезд отклонил предложение об обсуждении вопроса об уставе первым. Дезорганизаторам пришлось отступить.

В ходе дискуссии они попытались еще раз выступить с осудительными оценками развития польской литературы, имея прежде всего в виду ориентацию на укрепление ее связей с литературами братских стран социализма, но успеха не имели. Это было слишком тенденциозно, так как в выступлении нашей делегации и делегаций других социалистических стран красноречиво была показана картина роста популярности классической и современной польской литературы в Советском Союзе, во всем социалистическом содружестве, в чем были заинтересованы все честные писатели Польши. Эти выступления зарубежных гостей были серьезной поддержкой той линии, которую проводил и защищал Ярослав Ивашкевич.

Однако противники Ивашкевича сделали еще одну попытку, чтобы нанести по нему удар, деморализовать старейшего писателя-патриота. Поздно вечером мы узнали новость, которая дала понять: борьба продолжается. Группа делегатов, оппозиционно настроенных в отношении Ивашкевича, готовится завтра выдвинуть на пост председателя Союза польских писателей свою кандидатуру. Дело в том, что председатель союза всегда выбирался в Польше отдельно от состава правления. Ивашкевич избирался председателем союза на всех предыдущих съездах, проходивших после 1959 года, когда он вновь стал руководителем союза. Его высокий творческий авторитет, высокое общественное положение в стране (долгие годы он являлся депутатом сейма ПНР), мировая известность, личное обаяние делали его единственным, кто по праву мог занимать этот пост. И он его занимал самым достойным образом.

Было уже за полночь, когда мы, гуляя по улицам притихшего города, встретили Ивашкевича. В полном одиночестве, задумчивый, сосредоточенный, он шел, закинув руки за спину. Увидев нас, он обрадовался, возбужденно заговорил:

— Вот так!.. И хорошо, что вы приехали...

Он, конечно, знал, какие интриги плетут против него. Он был взволнован, но не растерян.

Наступило утро, съезд продолжал работу. Ивашкевич был на своем посту и ничем не выдал того напряжения, которое владело им. Спокойно, уверенно он направлял работу съезда.

Перед процедурой избрания председателя и главного правления союза был объявлен перерыв. И тут оказалось, что кандидат, которого собирались выдвинуть на пост председателя в противовес Ивашкевичу, согласия на это не дал. Вероятнее всего, он понял, что реальных шансов опередить Ивашкевича у него нет. Несмотря на стремление сколотить голоса всех недовольных, абсолютное большинство делегатов проголосовало за Ивашкевича.

Съезд в Лодзи уже тогда, еще задолго до кризисной ситуации в Польше, показал, что антисоциалистические силы как внутри страны, так и за рубежом будут делать все, чтобы развалить Союз писателей, втянуть литераторов под всеми предлогами в борьбу против народной власти, посеять неверие в принципы новой литературы, разжечь недоверие к реальным завоеваниям социализма в Польше, подрывать дружбу с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

На съезде в Лодзи это сделать не удалось. Ивашкевич, а вместе с ним многие польские писатели, прежде всего активные участники битвы с фашизмом, отстояли Союз писателей, потеснили своих противников.

Через некоторое время Союз польских писателей стал снова ареной острых классовых схваток. Распущенный за свою антигосударственную деятельность, он был воссоздан на новых началах, но все это происходило уже без Ивашкевича. В 1980 году народная Польша проводила своего великого писателя в последний путь.

3.

Сколько раз я встречался с Ивашкевичем? Сказать затрудняюсь. Многократно встречался с ним в Варшаве, бывал у него в загородном доме в Стависко, всегда с радостью встречал его в Москве. Участвовали мы вместе с Ивашкевичем в ряде писательских международных совещаний. Бывали вместе на спектаклях: в Варшаве смотрели «Месяц в деревне» И. Тургенева, в Москве в Театре имени Вахтангова смотрели пьесу самого Ивашкевича «Лето в Ноане». Незабываемы часы, проведенные с Ивашкевичем. С ним всегда было интересно, он мыслил широко, оригинально, и было такое ощущение, что само присутствие Ивашкевича насыщает атмосферу встречи особым током, сосредоточенным содержанием. Хочу одновременно подчеркнуть — ему были чужды назидательность, этакое умствование, претензия изрекать афоризмы и истины. Он любил искусство, жил в нем, обладал колоссальными знаниями и опытом, с любопытством относился даже к тому, чему сам не поклонялся. Ему подвластны были и литература, и музыка, и живопись, и простая, обыкновенная жизнь людей, состоящая из обыкновенных забот, поступков и слов. Отлично зная, что жизнь многолика и многообразна, полна и радостей, и печалей, Ивашкевич умел понимать других, сочувствовать, сопереживать. У нас было немало общих знакомых, прежде всего, конечно, из литературной среды. Ивашкевич внимательно следил за их деятельностью, всякий раз расспрашивал меня: «Давно бывали в Вешенской? Как дела у Шолохова?», «А как Федин?», «А все ли в порядке у Тихонова?», «Здорова ли Мариэтта Шагинян?», «Что нового на Украине? Поправился ли Бажан?» и т. д.

Советских писателей, по крайней мере наше старшее поколение, Ивашкевич знал лично, был преисполнен интереса к их творческой работе. Знал Ивашкевич многих писателей и более молодого поколения, интересовали его и самые молодые. Интерес его был не биографический, а творческий: что пишет, как пишет, каковы замыслы? Ивашкевич деятельно участвовал в работе варшавских газет, систематически публиковал в них свои статьи, посвященные литературе. Многие писательские имена оказались в сфере его внимания, были названы и оценены в его печатных выступлениях.

Оказался в кругу его интересов и я. Когда появился в Польше мой роман «Сибирь», на его выход откликнулся первым Ивашкевич. Он опубликовал в газете «Жиче Варшавы» обстоятельную статью, обстоятельную не в смысле объема — Ивашкевич умел писать кратко, собранно, — а по охвату различных сторон романа. Не скрою, статья Ивашкевича обрадовала меня, он похвально отзывался о моем произведении.

При ближайшей встрече с Ивашкевичем я поблагодарил его за внимание, за добрые слова.

— Что вы, голубчик, какие там благодарности! Дело обычное, писательское. Прочитал, понравилось, ну и решил сообщить об этом белому свету. А случалось, и поругивал, случалось, голубчик. Так что благодарите себя прежде всего. — Ивашкевич по-видимому что-то припомнил и рассмеялся своим очень характерным таким, протяжным смешком.

— Вот за это-то и спасибо, что написали не по заказу редакции, не по назойливой просьбе самого сочинителя, а по своему желанию, — сказал я, но Ивашкевич махнул рукой, считая разговор об этом законченным.

Действительно, все происшедшее было для него делом обычным и давным-давно вошло в его писательскую манеру — откликаться на то, что трогает душу.

Помимо встреч, мы изредка переписывались с ним. В переписке он держался тех принципов, которые отличают и наших русских старейших деятелей литературы и культуры: не передоверять переписку помощникам и секретарям, писать собственной рукой, адрес на конверте надписывать самому.

Он любил бывать в нашей стране. В одном из писем, датированном седьмым июля 1971 года, написанном синими чернилами, по-русски, он писал мне:

«Я хотел Вас сердечно поблагодарить за приглашение меня и моей фамилии в Советский Союз. Эти двенадцать дней, что мы провели вместе в Москве и в Ленинграде, оставили у нас неизгладимое впечатление. Мы остались страшно довольны поездкой, а для меня это была оказия провести эти дни с моими взрослыми, почти уже старыми детьми, что уже теперь случается довольно редко, а для меня очень ценно. Прекрасная погода, друзья, которыми мы были окружены, интересные встречи — все это оставило воспоминание, которым мы будем дорожить и сохранять его возможно долго.

Я знаю, что мой приезд пришелся как раз на время, когда Вы были так заняты, и я Вам сердечно благодарен, что Вы нашли все-таки время, чтобы поболтать со мною. Я полагаю, что более серьезные разговоры мы отложили на более подходящее время.

Я надеюсь видеть Вас в Польше или же встретить Вас на... Оби!

Сердечный привет присоединяю. Преданный Ярослав Ивашкевич».

«На... Оби!» — не было обмолвкой или простой шуткой. Не раз Ивашкевич говорил мне о своем желании побывать в Сибири. Его интересовало там все. Могучая, неповторимая природа, вклад польских граждан, сосланных в царское время в Сибирь и внесших в науку о ней свои важнейшие исследования, жизнь декабристов в Сибири и, конечно, социалистическое преобразование Сибири в советскую эпоху — ее новые города, гигантские стройки, литература и искусство края.

Естественно, я был готов в любой момент стать провожатым Ивашкевича, но осуществить эту задумку нам не удалось. Длинный путь в Сибирь настораживал, тем более что здоровье Ивашкевича стало ухудшаться.

Теперь, когда я вспоминаю Ярослава Ивашкевича — великого писателя и общественного деятеля Польши, думаю обо всем, что сделано в братской стране, я понимаю, сколь значительны уроки Ивашкевича, оставленные и польским писателям, и нашим советским писателям: успехи литературы неотделимы от жизни народа, а залог народного счастья и благоденствия — в дружбе наших народов и их литератур, призванных самой Историей быть вместе на века.